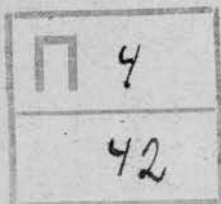

Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ

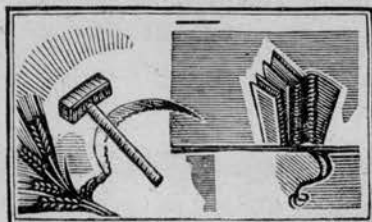
И

РЕВОЛЮЦИЯ

Ж У Р Н А Л

ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ
ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

КНИГА ВТОРАЯ
МАРТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА 1927

Государственная
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

в Ленинграде

Редакция
номера закончена
25/II

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

Стр.

1. Я. Шафир. БИБЛИОПСИХОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ 5
2. А. Смирнов-Кутаческий. ЯЗЫК И СТИЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЫ (окончание) 16
3. Л. Некора. СОЦИАЛЬНЫЙ РОМАН ВИКТОРА ГЮГО 25

4. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

4. А. Цейтлин. ТУРГЕНЕВСКИЕ РУКОПИСИ ИЗ ПАРИЖСКОГО АРХИВА ВИАРДО 41

5. Б. Терновец. СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ СКУЛЬПТУРА (с иллюстр.) 51

6. В ДИСКУССИОННОМ ПОРЯДКЕ.

6. У. Фохт. ПРОБЛЕМАТИКА СОВРЕМЕННОЙ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ (окончание) 78

7—9. ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

7. В. Полянский. О ПОВЕСТИ С. МАЛАШКИНА «ЛУНА С ПРАВОЙ СТОРОНЫ» 93
8. А. Лежнев. ЧЕЛОВЕК И ЕГО ГОРЕСТИ (о книгах Вс. Иванова, Вл. Лидина, П. Соколова-Микитова) 104
9. М. Цявловский. ПИСЬМА ПУШКИНА В ИЗДАНИИ ГОСИЗДАТА 108

10. С. Пионтковский. ОКТЯБРЬ И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА 112

11. Р. Авербух. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ ЗА 1925—1926 гг. 122

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

- I. Литература о Ленине и ленинизме: Ст. Бривцова, С. Васильева . . . 129
- II. Империализм и международная политика. Вл. Виленского-Сибирякова . . . 134
- III. Экономические науки и народное хозяйство. В. Железнова, Ф. Капелюша, В. Яновского, Г. Борисова, А. Хавина, Ф. Дяткина, С. Томсинского, М. Брагинского, М. Зеликмана, Д. Кашинцева 135
- IV. Организация труда. И. Гельмана 147

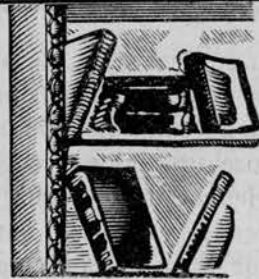
	<i>Стр.</i>
V. История:	
а) всеобщая история. Н. Дератини, П. Преображенского	149
б) русская история. А. Дивильковского, М. Клевенского	153
в) история революционного движения в России. М. Нечкиной, Б. Горева, Б. Козьмина, В. Невского, А. Шестакова, С. Томсинского, А. Дивильковского	156
VI. Философия и психология. Б. Горева, П. Ганнушкина	166
VII. Литература о Востоке. Вл. Виленского-Сибирякова, Б. Пурецкого	168
VIII. Народное просвещение. А. Пинкевича, С. Марголиной, Ал. Иоаннисиани	170
IX. Библиография и библиотековедение. С. Брейтбурга, Б. Жеребцова, Р. Мандельштам, И. Макарова	173
X. Народы и страны. В. Гаруна (Ванченко), Н. Лебедева, А. Бонч-Осмоловского, А. Аросева	178
XI. Языкознание. Р. Шор	183
XII. Теория и история литературы. Р. Шор, П. Сакулина, Н. Гудзия, Г. Лелевича, У. Фохта	185
XIII. Художественная литература.	
а) русская. А. Лежнева, Б. Жеребцова, С. Пакентрейгера, В. Гольцева, Г. Лелевича, В. Шибанова, М. Зенкевича	192
б) иностранная. Н. Эйшискиной, Б. Песиса, Гал. Серебряковой, Як. Бенни, А. Гурштейна, К. Локса,	201
XIV. Детская литература. М. А. Гершензона	208
XV. Искусства. Л. Розенталя, Федорова-Давыдова, А. Некрасова, Н. Брунова, В. Волькенштейна, В. Авдиева, С. Бугославского, Е. Котовой,	210
XVI. Заметки о журналах. В. Гаруна (Ванченко), А. Пинкевича	220
XVII. Разные. Г. Гордона, С. Томсинского, Л. Мартенса	222

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

СССР. Коммунистическая Академия. Всесоюзная Академия Наук. Всесоюзный съезд научных работников. Годовщина смерти Ларисы Рейснер. Пушкинские дни. Юбилей В. М. Фриче. Юбилей акад. В. М. Бехтерева. Выставка советской графики. В Союзе писателей. Федерация советских писателей. Издания Института Ленина. Издания Института Маркса и Энгельса. Новые книги по экономическим вопросам. Новые книги по истории и революционному движению. В литературно-художественном отделе ГИЗ'а. НА ЗАПАДЕ. Германия. Англия. Америка. Франция. Италия.	225
Письмо в редакцию. Декларация всесоюзного объедин. раб. кр. писателей „Перевал“	238

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

БИБЛИОПСИХОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ.

Я. Шафир.

Библиопсихология среди библиотекарей и библиографов находит себе некоторых приверженцев. Объясняется это, с одной стороны, тем обстоятельством, что автор этой теории, Н. А. Рубакин, создал вокруг своего духовного детища большой шум. По этому вопросу издано несколько книг, сборников, с этим течением связался какой-то заграничный исследовательский институт. Все это известно широким кругам наших библиотекарей, равно как и то, что автор этой теории пользуется заслуженной популярностью за свои работы в области библиографии и самообразования. С другой стороны, Н. А. Рубакин сумел придать своей теории видимость современности, успел окрасить ее в марксистский цвет. Это обстоятельство, в свою очередь, не могло не оказать своего влияния на интересующихся проблемами изучения читателя.

Надо сказать, что библиопсихология до сих пор не была подвергнута подробному разбору в нашей печати. Не встречая отпора, библиопсихология постепенно проложила себе дорогу на страницы нашей печати, приводя в смущение многих рядовых работников политпросветчиков. Довольно видные библиотекари — Б. О. Борович и Я. В. Ривлин целиком присоединяются к рубакинской теории, подчеркивая всячески ее материалистический характер. На этот счет, впрочем, старается и сам Н. А. Рубакин, который, где только возможно, пускает в ход фразы, заимствованные из марксистского словаря.

В выпущенном в Харькове сборнике «Читатель и книга» Н. А. Рубакин в следующих выражениях характеризует свою теорию: «В основе библиопсихологии лежит тот факт, что бытие определяет сознание. Библиопсихология вовсе не есть наука идеалистическая и не наука отвлеченная. Библиопсихология есть один из отделов точного знания, одна из позитивных наук, применяющая в своей области основные принципы естествознания и доводящая свои выводы до их математической формулировки». Аттестация для библиопсихологии весьма лестная. Тут и материализм, и точное знание, и даже... «математические формулировки».

Посмотрим, однако, как обстоит дело с этой одобренной и рекомендованной новой «точной наукой». Для этой цели нам придется проследить всю эту теорию от начала до конца, т.-е. начиная с ее предпосылок и

кончая ее методами, применяемыми для изучения слушателя и читателя. Мы воспользуемся небольшой книжкой Н. А. Рубакина «Что такое библиологическая психология» («Колос», Л. 1924 г.), в которой изложены основные принципы теории и практики библиопсихологии.

Первое положение, выдвигаемое автором новой «точной науки», сводится к указанию, что необходимо резко разграничить книгу или слово от того влияния, какое они оказывают на читателей. Это, мол, до сих пор не делалось работниками книжного дела. Между тем настоятельная необходимость требует такого разграничения. Дело вот в чем; читатель не просто усваивает то, что книга содержит в себе, но переделывает автора по-своему и часто искажает его до неузнаваемости. Ожидаемый автором эффект от своего произведения не только не достигается, но и достигнут быть не может по совершенно определенным основаниям. Между книгой и читателем существует так называемая функциональная зависимость: «содержание существует лишь постольку, поскольку оно действует на читателя» (там же, стр. 10). Содержание книги — мираж, который каждому читателю в зависимости от ряда факторов кажется другим. Поэтому можно даже утверждать, что «сколько разных читателей, столько и разных содержаний у одной и той же книги или речи» (там же, стр. 12).

Итак, содержание не существует, лучше сказать оно имеется, но его надо рассматривать как «вещь в себе». По мнению Н. А. Рубакина, это содержание также непознаваемо, как и кантовская «вещь в себе». Наш автор идет еще дальше и заявляет, что то же положение верно и в отношении любого слова. Слово не может иметь смысла совершенно одинакового для всех. Оно находится также в функциональной зависимости от говорящего и слушающего. Чтобы окончательно утвердить нас в этой новой теории, Рубакин подпирает ее авторитетом Вильгельма Гумбольдта и А. Потебни. Оба они лингвисты и защищали точку зрения, что слово есть возбудитель чужой мысли, а не передатчик. Рубакин называет это утверждение несколько громко — «законом Гумбольдта-Потебни». Из этого «закона» делается вывод, что надо изучать не слова, а «психические явления, ими возбуждаемые» (там же, стр. 14). Через этот закон изучение читательства «входит в историю и теорию литературы и становится там на первое место».

Эта основная предпосылка библиопсихологии в свое время была высказана П. Энгельмейером, учеником Маха, в несколько другом виде. В своей «Теории творчества» (изд. «Образование», СПб, 1910 г.) Энгельмейер выступил с рядом положений, сближающих его с автором библиопсихологии. Читать — значит переводить, говорит французская поговорка. Ученик Маха подтверждает правильность этой поговорки: то, что думает художник во время творчества, не может притти в голову читателю, который занимается переводом понятий писателя на язык своих понятий. Всякое познание научной истины, равно как и восприятие произведений искусства есть акт творчества. Не может быть и речи о «понимании» — нельзя по-настоящему понимать другого,

Чтобы доказать правильность своей мысли относительно передачи каждым воспринимаемого на свой лад, Энгельмейер предлагает проделать следующий опыт. Напишите на бумажке какое-нибудь слово, пропустив в нем некоторые буквы, и предложите людям разных профессий прочесть. Получится в результате разное. Напишите, например, слово Под... о ... ный.

Ученый прочтет: «подробный», прокурор прочтет: «подложный», врач — «подкожный», кучер — «подножный», моряк — «подводный», бондарь — «поддонный», пастух — «подгонный», колодезник — «подсосный», архитектор — «подпорный», инженер — «подкосный», кузнец — «подковный», секретарь крестьянского банка — «подворный». Из этого примера следует, думает Энгельмейер, что слушатель, зритель, читатель не только воспринимают, но самостоятельно творят под влиянием внушения.

И Рубакин и Энгельмейер одинаково считают, что «понимание» в обычном общеупотребительном смысле невозможно. Каждый человек — это особый мир, с особым опытом, на основании которого воспринимается все новое. Сношения между людьми, совершаемые в форме разговора, на самом деле носят довольно странный характер. Люди говорят между собою как будто об одном, а на самом деле речь всегда идет о различных вещах. Мы обречены, таким образом, на непонимание взаимное.

Надо сказать, что ссылка на Потебню со стороны Рубакина не совсем точна. И Потебня и Гумбольдт различают в слове объективную и субъективную стороны. Под объективной стороной имеется в виду так называемая внутренняя форма слова, которая выражает один основной признак его. Образ стола, например, может иметь много признаков, но слово стол означает только простланное (корень стл), и оно может одинаково обозначать всякие столы, независимо от формы, величины, материала. Под словом окно мы подразумеваем обыкновенно раму со стеклами, тогда как по внутренней форме (сходство со словом око) оно означает то, куда смотрят или куда проходит свет. Объективное содержание слова связано теснейшим образом с его этимологическим значением и всегда включает в себе только один признак, субъективное же содержание содержит в себе множество признаков.

Оба лингвиста считают, что слово не является орудием понимания (т.-е. оно не передает чужой мысли, а лишь возбуждает мысль слушателя), поскольку речь идет о субъективном его содержании. Наоборот, если подходить к слову с точки зрения его объективного содержания, то оно тождественно вполне в сознании различных людей. Ссылка на Гумбольдта и Потебню является поэтому не совсем правильной. Мы, однако, не хотим сказать, что точка зрения старых лингвистов правильна. Новейшие работы в области языкознания утверждают, что основным моментом, обуславливающим взаимное понимание людей, надо считать социальный фактор в языке, который раскрывается в том, как слово функционирует в качестве знака. Понимание возможно благодаря тому, что слушающий, как и говорящий признают свою принадлежность к одному определенному

культурному коллективу, что оба соперечивают во время беседы сознание некоего единства. Не в том дело, что у каждого человека имеется в прошлом нечто особенное, отличающее его от другого человека. Это сознание не помогает, а мешает пониманию другого. Помогает, делает возможным взаимное понимание людей сознание социального единства. Этот социальный момент в языке игнорируют старые лингвисты, но еще больше этот важнейший фактор в совершенном пренебрежении у автора новой «теории» библиопсихологии.

Несостоятельность «теории» Рубакина и Энгельмейера не трудно обнаружить. Прежде всего несколько слов о примерах, приводимых обоими авторами для иллюстрации своей основной предпосылки. Пример Энгельмейера, приведенный нами выше, очень странный. Во-первых, если из него что и следует, то лишь следующее: трудно понять друг друга людям, занимающимся различными профессиями. Профессия вызывает у нас определенную нацеленность, которая определяет в известных случаях наши восприятия. Совершенно очевидно, что из этого примера вытекает возможность понимания между людьми одной и той же профессии. Навряд ли, однако, Энгельмейер хотел это доказать. Во-вторых, у Энгельмейера речь идет о том, как будут восполнять недостающие буквы люди разных профессий, т.-е. речь идет о творчестве в общепотребительном смысле. Между тем доказывать наш автор собирался другое, что люди по-разному понимают *данное* автором слово. Но, ведь, нельзя ни в коем случае отождествлять восполнение недостающего с восприятием данного законченного определенного слова!

Еще более курьезное впечатление производят примеры, приводимые Н. Рубакиным. Чтобы иллюстрировать мысль о невозможности взаимного понимания, автор «точной науки» рассказывает о следующем случае: миссионер Добрицгофер долго толковал африканским дикарям о том, что такое совесть. Когда же он попросил своих собеседников повторить, что такое совесть, то получил в ответ: «Это когда в животе нехорошо». Второй анекдотический пример: Г. В. Плеханов в 1916 году долго объяснял турецкому армянину-революционеру, как нехорошо убивать людей. Армянин так резюмировал плехановские речи: «Ты — человек, я — человек, — пойдем убивать курда» («Что такое библиологическая психология», стр. 7). Приводя эти анекдоты, Н. Рубакин вдруг умозаключает: «Здесь перед нами опять-таки факт совершенной переделки и мыслей и чувств» (там же). Неправда ли, это чрезвычайно курьезно? Ну, что доказывают приведенные примеры? Ничего не доказывают. Ведь здесь речь идет о разговорах между людьми разных культур, разных ступеней развития и в одном случае на тему чрезвычайно отвлеченную. Понятно, что африканские дикари не могли понять языка культурного миссионера по вопросу о том, что такое совесть. Это, однако, не значит, что у Добриц-гофера и этих же дикарей не нашлось бы общего языка относительно всяких других материй. Тем более из этого факта нельзя делать вывода, что люди одинаковой культуры не могут понимать друг друга.

Точно так же дело обстоит и со вторым примером. Армянин-революционер не считает, что убивать курдов преступно, хотя, возможно, убивать людей вообще он считает преступлением. Этот факт находит свое объяснение в истории турецких национальных взаимоотношений. Армянин не понял поэтому Г. В. Плеханова, у которого в отношении данного вопроса была другая установка. Но разве это доказывает, что Плеханов и армянин-революционер вообще должны были понимать друг друга шиворот на выворот? Это дикое предположение, совершенно не вытекающее из приведенного примера. Тем более, нельзя делать таких выводов в отношении людей одной и той же социальной среды, живущих в одинаковых общественных условиях.

И Энгельмейер и Рубакин приводят эти случаи только в качестве примеров, не больше. Характерно, однако, насколько ограничена возможность иллюстрации той нелепой по существу мысли, что люди не могут понимать друг друга, что каждый воспринимает слово на свой лад. Это положение настолько резко расходится с действительностью, с повседневными наблюдениями, что для его иллюстраций оба теоретика вынуждены прибегнуть к анекдотам, которые вдобавок еще доказывают не то, что авторы задумали.

Как обстоит дело с ссылкой Рубакина на основные положения диалектического материализма? Этот вопрос для нас имеет особое значение. Энгельмейер, писавший в дореволюционное время, не ссылается на Маркса. Он определенно указывает, что «теория творчества» примыкает к махизму. Мысль о том, что «понимание» есть творчество, что мы по существу всегда воспринимаем не предмет, как вещь в себе, а нечто, вновь нами созданное, сотворенное, Энгельмейер подтверждает ссылками на философские изыскания Эрнста Маха. Сам Мах в небольшом предисловии к «Теории творчества» говорит о том, что не случайно Энгельмейер встречается в его лице (Махе) «одного из благодарнейших читателей». Теоретик эмпириокритицизма совершенно определенно указывает на связь между этой философией и теорией творчества Энгельмейера.

Рубакин в своих выступлениях, равно как и другие сторонники библиопсихологии, неизменно пускает в ход такие термины, как диалектический метод, материалистический подход к вопросу о чтении. Оправдана ли чем-нибудь подобная ссылка? Нет, ссылка эта совершенно незаконная, так как библиопсихология резко противоречит диалектическому материализму. Больше того, библиопсихологи еще резче, чем это делает ученик Маха, заостряют свое основное положение в сторону кантианства. Энгельмейер все же допускает в виде исключения возможность совпадения переживаний читателя с переживаниями писателя, Рубакин же абсолютно отвергает такую возможность. Для последнего возможность «проникнуть» в содержание книги совершенно исключена, так как содержание это и не существует вовсе.

Всякий, кто когда-либо хоть держал в руках книжку, посвященную диалектическому материализму, сразу скажет, что ни теория творчества, ни библиопсихология ничего общего с марксизмом не имеют. Рубакин

не только в отношении книги, но и в отношении всех восприятий стоит на той же точке зрения, что мы воспринимаем не вещь в себе, а явление. Он говорит: «Здесь перед нами закон природы, а не закон книжного дела» («Книга и читатель», стр. 46). Другими словами содержание книги нам столь же мало доступно, как недоступна и любая другая вещь. Все на свете делится на вещь в себе, которая недоступна, непознаваема, и на феномен, который является лишь нашим представлением. Последнее зависит от постоянно меняющейся «мнемы».

Материализм признает, что «вещь в себе» познаваема, что нашим представлениям о вещах соответствуют действительно существующие вне нас объекты. В данном частном случае материалистический подход к вопросу о книге будет означать признание того простого факта, что представление о содержании книги соответствует не ике, а реально существующая книга с совершенно реальным содержанием. Вся «философия» относительно невозможности подлинного «понимания» ведет фактически к солипсизму. Рубакинщина волей-неволей заводит в тупик: если понимание невозможно, если каждый все воспринимает до того отлично от другого, что нельзя познавать чужой мысли, как она есть, то из этого надо делать тот вывод, что невозможно изучить и читателя. Если содержание книги не может быть познаваемо, то очевидно, что настолько же непознаваемы и «мнемы» и «энграммы», т.-е. основная задача библиопсихологии оказывается неразрешимой.

Последуем, однако, далее за нашим автором библиопсихологии. Он спрашивает, каков объект новой «точной науки», им придуманной. И отвечает, что таким объектом является «изучение библиологического восприятия». Далее он указывает, что в процессе восприятия надо различать три фактора: 1) раздражение, 2) субъект, 3) реакция субъекта на раздражение. Рубакин совсем ничего не говорит при этом о раздражителе, так как, согласно его теории, раздражитель непознаваем. В дальнейшем он, однако, вынужден упомянуть про раздражителя, хотя в числе главнейших факторов он не фигурирует. Затем Н. Рубакин переходит к исследованию психических процессов, вызываемых в нас чтением. Он при этом ссылается на «второй закон» библиопсихологии — на учение о мнеме Рихарда Семона. Остановимся несколько на этом пункте, так как здесь наиболее «солидная» часть теоретического багажа библиопсихологов. Отметим прежде всего, что теория о мнеме впервые была изложена Семоном в работе, опубликованной еще в 1904 году. Н. Рубакин дает в своей книжке «Что такое библиологическая психология» изложение теории Семона.

По Семону, каждое раздражение, действующее на живое вещество, вызывает в мозгу возбуждение, которое отпечатлевается там известным образом. Этот отпечаток он называет энграммой. Последняя под влиянием новых раздражений способна к оживанию, процесс оживания называется экфорией. Совокупность энграмм, полученных в процессе раздражений-возбуждений не только в течение индивидуальной жизни, но и переданных по наследству, Семон называет мнемой. Рубакин рассказывает нам;

«Мнема есть та психическая среда, реакция со стороны которой обуславливает собой всякий результат всякого восприятия, а значит, и восприятия чужой речи, устной, рукописной и печатной» (там же, стр. 19—20). К этому «закону» Рубакин присовокупляет еще один «закон», на сей раз заимствованный у Тэна. Видите ли, французский литературный критик установил, что происхождение и эволюция литературных явлений обусловлены тремя основными факторами — расой, средой и моментом. «Закон» Тэна позволяет нам выяснить, что обуславливает собою содержание «мнемы». Задача библиопсихологии сводится к изучению роли «мнемы» во всех психических явлениях, совершающихся в области литературы и книжного дела. Из этого автор делает вывод, что в области изучения литературы дело сводится не к изучению «мертвых букв или звуков», а «психики человека»: «Изучай, — говорит Рубакин, — психические воздействия, психологию мнематических переживаний, психологию внутренних и внешних реагирований» (там же, стр. 22).

Надо указать, что Рубакин не совсем верно излагает Семона. Последний старается всячески обойти психологическую терминологию, он говорит о раздражении, всячески подчеркивая, что речь идет о явлениях биологического порядка. Мнемой Семон называет «сумму как унаследованных, так и индивидуально приобретенных энграмм». Всякое мнемоническое возбуждение находится в созвучии с возникающим одновременным новым раздражением. Это состояние созвучий Семон называет «гомофонией». Семон всячески подчеркивает ту мысль, что так называемые явления памяти и ассоциации могут быть сведены к биологическим понятиям. Рубакин же взял теорию Семона для того, чтобы опсихологировать ее.

Совершенная несостоятельность всех построений библиопсихологии особенно ясно выступает из того, что к теории Семона приптели еще и Тэна. В самом деле, о чем говорит пресловутый «Закон французского критика?» — Единственный вывод, какой может быть сделан из Тэна, таков: читательский интерес находится прежде всего и главным образом в зависимости от условий среды, в которых читатель живет. Другими словами, не в индивидуальных условиях жизни отдельного человека надо искать причины возникновения того или иного интереса. Человеческие вкусы обусловлены средой, расой и «моментом», говорит Тэн. Это значит, что так называемая «мнема» обусловлена известными общественными факторами, которые очень сходны для определенных социальных групп, классов. Отсюда следует, что «мнемы» разных читателей должны быть во многих отношениях сходны. Далее, отсюда вытекает, что изучение читателя должно быть прежде всего поставлено на почве изучения не индивидуальных «мнем», а на исследовании той общественной среды, которая содержание «мнем» обуславливает.

Так называемый третий «закон» Тэна великолепно опровергает пресловутый первый «закон» Рубакина относительно невозможности познания содержания книги. Трудно придумать более уничтожающие аргументы против всей библиопсихологии, чем это делает сам автор этой

теории, привлекая Тэна на подмогу. Это не значит, что мы разделяем «закон» Тэна в отношении вопросов происхождения и эволюции литературных произведений. Прежде всего надо указать, что французский критик ни слова не говорит о влиянии классового фактора на развитие литературных форм и течений. Между тем это основной момент в истории развития литературы, зато Тэн говорит о «расе», которая в данном случае играет сравнительно ничтожную роль. Разговоры о роли «момента» лишены содержания, так как среда и раса уже включают понятие времени, так как эти факторы не находятся вне времени и пространства.

Если мы исправим Тэна, то, в конце концов, у нас получится положение, что развитие литературных течений, появление отдельных литературных произведений зависят прежде всего от классового фактора, от определенных общественных условий. Читательский интерес точно так же обуславливается этими условиями. Чем более читатели живут в сходных общественных условиях, тем более сходны должны быть читательские интересы, равно как и «мнемы» читателей. Изучение читателя должно быть поэтому начато с изучения определенных общественных условий.

Понятно, что на ряду с этой общей постановкой вопроса, необходимо учесть влияние второстепенных личных факторов, влияние условий, обуславливающих чисто групповой интерес, так как читательский интерес не может быть сведен целиком и полностью к одному классовому интересу. Тут влияние второстепенных с точки зрения общественного развития факторов играет заметную роль. Рубакин и библиопсихологи на самом деле выпячивают на первый план личный фактор. Индивидуальную обусловленность читательского интереса они считают основой интересующей нас проблемы. Изучение читателя поэтому они ставят, как задачу индивидуальной психологии. На самом деле изучение читательства есть прежде всего проблема социальной психологии, так как интересы людей суть прежде всего интересы классовые, групповые и обусловлены определенным комплексом общественных условий.

Оставим в стороне рубакинские предпосылки и подойдем ближе к основному вопросу, интересующему нас, к вопросу о задачах изучения читательства и методах, применяемых в данной области библиопсихологией. Можно было бы предполагать, что несостоятельная теоретически библиопсихология дает, по крайней мере в области практики, нечто ценное. Это предположение подсказывается тем обстоятельством, что автор этой теории работает в данном направлении несколько десятков лет, что за ним бесспорные крупные заслуги в области самообразования, библиографии, что у него в течение многих лет были тесные связи с огромной, многотысячной читательской массой. Этот большой опыт может и должен дать ценные материалы даже тогда, когда теория, привлекаемая для освещения фактов, несостоятельна.

Увы! — Это предположение в действительности не оправдывается. В области практики библиопсихология еще более несостоятельна, чем

в области теории. Величайшая путаница и неразбериха у библиопсихологов начинается в вопросе о задачах их «точной науки». По мнению основателя библиопсихологии, основная задача его новоиспеченной позитивной с математическими формулировками науки сводится к тому, что она должна дать «материалы, а затем и способы узнавать чужие Я, участвующие в каком-либо библиопсихологическом процессе, — узнавать в максимальной степени и с максимальной точностью» («Что такое библиологическая психология», стр. 27). Итак, задача библиопсихологии сводится к познанию личности, т.-е. к характерологии. Тут мы присутствуем при основном грехе этой новой «науки»: она ставит себе по существу задачи, которые на самом деле стоят перед другими отраслями психологии. Изучение личности на основании тех или иных восприятий проводится давно, независимо от изучения читательства.

Характерология пока что находится в самом начале своих исследований. И Юнг, и Кречмер, и многие другие дали в этой области много ценного, но все это пока что лишь первые шаги в деле исследования личности. Может ли учение, ставящее своей целью исследование того, что *специфично для читателя*, претендовать на то, чтобы заменить характерологию? — Нет, не может. Во-первых, реакция на чтение не всегда характеризует личность. Реакция на чтение специфична и потому не может являться исчерпывающим методом изучения человеческого характера. Исследователи поступают поэтому правильно, когда для своих целей пользуются изучением восприятий более актуальных, чем чтение.

Библиопсихология, отрицая так называемое содержание книги, утверждая, что книга сама по себе, независимо от читателя, непознаваемый ике, волей-неволей вынуждена ставить себе общие характерологические задачи. В то время, как изучение читательства практически связано с рядом актуальных моментов, с выяснением в каждом случае характера связи, устанавливаемой между читателем и книгой, с изучением степени доступности печатного произведения читателю, выявлением основных факторов, влияющих на выбор и пр., библиопсихология отворачивается от этих злободневных практических вопросов, уходя в дебри характерологии.

Что мы не преувеличиваем, доказывает сам Н. Рубакин в цитируемой часто книжке. Вот что мы читаем по этому поводу у нашего автора: «Библиопсихология стремится к классификации и читателей, и писателей, и слушателей на разные психические, а также и социальные типы, понимая под термином «тип» относительно устойчивый комплекс определенных и для него характерных психических особенностей, свойств, качеств, склонностей, обуславливающих как явления восприятия, так и все мнематические процессы, и реагирующих на разные библиопсихологические раздражения-возбуждения» (там же, стр. 30). В другом месте Рубакин говорит, что библиопсихологические исследования «чужого Я, чужой мнемы» допускают такое глубокое знание и «понимание чужого Я, какого не достигнуто до сих пор никаким ученым критиком, комментатором и исследователем литературных явлений, произведений и авторов,

исследователем обыкновенно руководящимся своими интуициями» (там же, стр. 29).

Вся работа библиопсихологов сводится к выяснению «психологического типа», к «классификации переживаний», к исследованию личности читателя. Библиопсихолог стремится выяснить, принадлежит ли читатель к конкретному, отвлеченному, эмоциональному и т. д. типу, независимо от логических и идеологических форм текста. Библиопсихолог интересуется «понятиями, эмоциями, стремлениями, действиями, оценками», т.-е. всем тем, чем интересуется характерология. Но его совершенно не занимает вопрос об интересе, об отношении читателя к определенному тексту.

Этой путанице в постановке основных задач соответствует неразбериха и в методах. Автор новой «точной науки» указывает на один из методов, который считает очень важным для библиопсихолога. Оказывается, что в целях «математических формулировок» необходимо «выработать в себе искусство вчувствования и перевоплощения в чужое Я». Неправда ли, хороший метод для «точной науки»? Н. Рубакин очень много говорит об интуиции. В полном соответствии с этими новейшими методами стоит указание, что к изучению «чужого Я» надо идти от изучения своего Я», т.-е. самонаблюдение Н. Рубакиным восстанавливается как метод психологического познания. В этом нет ничего неожиданного, так как интуиция и самонаблюдение, как методы, вполне подходящи для человека, стоящего на точке зрения солипсизма.

Далее библиопсихология выдвигает так называемый «метод» библиопсихологического анализа». Этот метод, с позволения сказать, есть вершина новой «науки», ее высшее достижение. Оказывается, что в чтении надо различать три типа восприятий: а) восприятие отдельных слов (Рубакин это называет «вербальным типом восприятия»), б) восприятие каждого отдельного слова в связи с восприятием других слов («интервербальный тип восприятия»), в) когда восприятие отдельных слов сливается, а возбуждения, производимые этими отдельными словами, соединяются в единое, общее и слитное, «совсем или почти бессловесное» («восприятие суправербальное»). Соответственно этой классификации Н. Рубакин говорит о библиопсихологии «вербальной», «интервербальной» и «суправербальной».

И вот, видите ли, в чем суть всех этих библиопсихологий. Дают читателю определенный текст, слово или предложение, и от него требуют, чтобы он дал себе отчет об идеях, возбуждаемых словом. В зависимости от того, что вызывает то или иное слово, мы и определяем «психический тип» читателя. Тут опять приходится остановиться на другой предпосылке «новой науки». Оказывается, что главнейшие категории «субъективного психического переживания» суть: понятия, образы, ощущения, чувства, хотения, низшие органические чувства и действия. Другими словами, на свет божий извлекается добро, давным-давно сданное психологией в архив. Расщепление психики на всякого рода искусственные категории является для автора библиопсихологии способом познания личности.

В зависимости от того, какие категории вызывают то или иное слово, читатель зачисляется в ту или иную рубрику. Мы, таким образом, и познали в совершенстве личность на основании библиопсихологического анализа. Представим себе, что читатель проработал с нами стихотворение Лермонтова «Тучка». Уж одно слово «тучка» может возбудить в нас понятие, образ, эмоцию красоты, стремление подняться высоко, ощущение белого, мысленное переживание действия, передвижение тучки. Вербальный или интервербальный и пр. библиопсихолог будет подсчитывать в отношении каждого слова, какие «переживания» оно вызывает. Иногда приходится даже иметь дело с «аккордами переживаний». Все эти хитроумные вычисления принимают математический вид. Каждый «аккорд» отмечается особым номером, затем подсчитывается, сколько раз в том или ином произведении этот «аккорд» у читателя проявился. И в результате этого подсчета мы получаем исчерпывающую характеристику читателя.

Мы не станем говорить подробно о технике этих запутанных вычислений. Совершенно очевидно, что одно разделение психических функций на категории делает всю эту постройку бессмысленной и ничемной. На самом деле эти категории выдуманы, искусственно построены и ничего реального это разделение дать не может. С другой стороны, такое изучение читателя способно вогнать в гроб не только изучаемого, но и исследователя. Подробный анализ каждого слова в лучшем случае может послужить материалом для познания отдельного человека (при условии, что материал этот получит правильную психологическую интерпретацию без математических психологических фокусов), но ничего не дает для того, чтобы установить характер связи большой группы читателей с определенным печатным произведением.

Библиопсихология по своим предпосылкам построена на идеалистических началах. В основе ее лежит утверждение о том, что мир это наше представление, что вещи сами по себе не познаваемы, что понимание между людьми невозможно. В области задач библиопсихология уходит от актуальных и злободневных вопросов в сторону неподведомственных ей проблем характерологии. В вопросах методологии «точная наука» Рубакина оперирует самонаблюдением, интуицией. Ее практические результаты поэтому не могут не быть бесплодными.